

Е.В. Иванова

**Л.Я. Штернберг и В.К. Арсеньев
(воспоминания участника странной дискуссии
1970-х годов)**

Узнав о подготовке в нашем музее конференции в честь 150-летия Л.Я. Штернберга, я вспомнила один эпизод из научной жизни 70–80-х годов минувшего века. В то время, когда Н.И. Гаген-Торн писала книгу о любимом учителе [Гаген-Торн 1975] (не без существенных трудностей увидевшую свет), несколько ученых из академических институтов Ленинграда и Москвы также обратили свои мысли к личности и творчеству этого выдающегося ученого, но под весьма своеобразным углом зрения — в связи с «проблемой» его влияния на этнографический аспект кипучей деятельности его младшего современника — В.К. Арсеньева (Владимир Клавдиевич был на 11 лет моложе Льва Яковлевича) — знаменитого путешественника, писателя, ученого. Взгляды на этот счет оказались разными. Я была вовлечена в эту странную полемику [Иванова 1981; 1986].

Горький осадок, оставшийся на душе после растянувшегося на несколько лет наблюдения за этим бесплодным занятием, побудил меня вернуться к этой надуманной проблеме и еще раз (в память о Л.Я. Штернберге, его внимательном и в высшей степени уважительном отношении к В.К. Арсеньеву и его творческому дару, благодарности Штернбергу со стороны Арсеньева) выразить солидарность с позицией Б.П. Полевого и А.М. Решетова, отразившейся в статье «В.К. Арсеньев как этнограф». Статья эта, приуроченная к 100-летию со дня рождения Арсеньева (годы жизни — 1872–1930), и вызвала последующую дискуссию [Полевой, Решетов 1972]¹.

Задача этой публикации заключалась в том, чтобы показать заслуги В.К. Арсеньева перед этнографической наукой. До того времени

¹ Полевой Борис Петрович (1918–2002) — крупный ученый, знаток истории изучения Дальнего Востока (на чествовании в РГО по случаю его 80-летия был назван ученым секретарем общества «географом № 1» России). В юные годы общался с героем статьи. Решетов Александр Михайлович (1932–2009) — сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР / МАЭ РАН, специалист по этнографии народов Восточной Азии, выдающийся историк отечественной этнографической науки.

этот аспект деятельности Арсеньева специально рассмотрению не подвергался (имя Арсеньева, например, не было упомянуто в книге С.А. Токарева об истории отечественной этнографии). Целью данной статьи было устранение этой несправедливости.

Авторы, опираясь на литературное и научное наследие Владимира Клавдиевича, а также на архивные документы, переписку с современниками, работы предшественников, проливающих свет на историю жизни и творчества Арсеньева, отзывы выдающихся этнографов о его уникальном даре общения с представителями изучаемых народов и чрезвычайной ценности собранного им полевого материала, убедительно показали масштаб деятельности исследователя в отечественной этнографии. В результате проделанной работы они пришли к выводу о весьма значительной роли Льва Яковлевича Штернберга в судьбе Арсеньева.

Как этнограф-полевик сам Л.Я. Штернберг сформировался на Дальнем Востоке и знал те этносы, которые исследовал Арсеньев, всегда живо интересовался новым богатым этнографическим материалом, собранным талантливым коллегой, пристально следил за его научной деятельностью, высоко ценил его труды по удэгейцам. Общение с теоретиком и эрудитом в области этнографической литературы было необходимо Арсеньеву, обогащало его. Поручения Штернберга направляли в нужное русло собирательскую деятельность Арсеньева, благодаря которой фонды Музея антропологии и этнографии АН СССР пополнились превосходными коллекциями по культуре малых народов Дальнего Востока. Штернберг приглашал Арсеньева на работу в МАЭ в 1925 г., когда состоялись его заочные выборы на должность «научного сотрудника первого разряда». Связь с Дальним Востоком Арсеньев не мог оборвать и этим предложением не воспользовался.

Б.П. Полевой и А.М. Решетов закончили статью так: «В литературе В.К. Арсеньева называют путешественником, писателем, краеведом, охотоведом, топографом, знатоком ботаники и зоологии и т.д. Все изложенное, однако, показывает, что он был, прежде всего, этнографом, крупнейшим знатоком народов Советского Дальнего Востока. Своими большими успехами он во многом обязан ленинградским ученым, особенно Л.Я. Штернбергу, благодаря помощи которого он смог преодолеть уязвимость и самоуверенность провинциального мыш-

ления, стать ученым с мировым именем. Труды В.К. Арсеньева навсегда останутся ценнейшим источником этнографических сведений, ибо многое из того, что он успел зафиксировать, теперь уже исчезло бесследно» [Полевой, Решетов 1972: 87].

К сожалению, эта работа, выполненная скрупулезно, по всем правилам научной корректности и, безусловно, полезная, выявившая заслуги Арсеньева перед этнографической наукой, неожиданно задела чувства некоторых ученых читателей. Последние ревниво оберегали идею независимости Арсеньева от чужеродных влияний и нашли в статье преувеличение заслуг Штернберга в становлении Арсеньева-этнографа. (Вторая фраза в приведенной выше цитате, с точки зрения оппонентов Полевого и Решетова, — квинтэссенция их заблуждения по этому вопросу. Они публично осудили за это авторов.)

Первым критиком «ереси», в которую впали Полевой и Решетов, стал М.В. Воробьев¹, посчитавший, что в их статье «сознательно или нет этнографической деятельности В.К. Арсеньева придан несамостоятельный, школярский характер» [Воробьев 1973: 543].

Спустя несколько лет Ю.В. Маретин² и С.И. Федин солидаризировались с М.В. Воробьевым в критике публикации Полевого и Решетова в своих статьях, напечатанных в посвященном памяти Арсеньева сборнике «Страны и народы Востока» (издан в 1979 г. Восточной комиссией Географического общества СССР).

Ю.В. Маретин писал: «Некоторые авторы словно опасаются признать масштабность личности ученого, всегда самостоятельного и в человеческих проявлениях, и в науке; отсюда — стремление расчленивать его научное наследие на элементы и каждый из них приписать тому или иному влиянию. Разумеется, подобный аналитический анализ оправдан, если за ним следует синтез. К примеру, в одной из статей всячески подчеркивается роль ленинградских этнографов, в особенности Л.Я Штернберга, в становлении Арсеньева-ученого, и в частности Арсеньева-этнографа, и утверждается, что без Штернбер-

¹ Воробьев Михаил Васильевич (1922–1995) — крупный ученый, автор трудов по древнейшей истории стран зарубежного Дальнего Востока, сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

² Маретин Юрий Васильевич (1931–1990) — этнограф-индонезист, научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, видный деятель Восточной комиссии ГО СССР.

га Арсеньеву угрожала бы “узость и опасная самоуверенность провинциального мышления” [Полевой, Решетов 1972: 86]. Эти своеобразные “ленинградоцентризм” и “штернбергианство” понятны и естественны, когда речь идет о восстановлении изрядно забытых заслуг ленинградской школы в этнографии или значения ведущих ее представителей — Штернберга или Богораза. Но они неоправданны, когда речь идет о таком выдающемся ученом, каким был В.К. Арсеньев» [Маретин 1979: 13].

Мне уже довелось выразить недоумение и протест против избретенного Ю.В. Маретиним термина «штернбергианство»: «Содержание его никак не определено. В русском словоупотреблении слова подобного типа (см. «нищешанство» и т.д.) имеют почти однозначно отрицательный оттенок. Едва ли один из крупнейших отечественных этнографов заслуживает того, чтобы его имя связывали с уничижительным ярлыком» [Иванова 1981: 188].

В том же духе высказался и С.И. Федин: «В статье Полевого и Решетова, — писал он, — Л.Я. Штернберг подан как “столичный учитель”, а В.К. Арсеньев как “провинциальный ученик”. В статье методически неправомерно использованы некоторые частные письма и отдельные высказывания. Что ведет к искажению отношений между двумя учеными и что уже было уже отмечено М.В. Воробьевым» [Федин 1979: 32]¹.

В этом же сборнике А.И. Тарасовой, одним из самых глубоких исследователей многогранного творчества В.К. Арсеньева, были опубликованы 19 писем Л.Я. Штернберга к В.К. Арсеньеву (хранящихся во Владивостоке в местном филиале Географического общества) [Письма... 1979]². Письма Штернберга дышат искренней симпати-

¹ В 1981 г. в Ленинграде состоялось заседание Восточной комиссии Географического общества СССР, на котором с докладом об Арсеньеве выступила Т.Ф. Аристова (1926–2003), дочь первого биографа В.К. Арсеньева Ф.Ф. Аристова, научный сотрудник Института этнографии АН СССР (Москва), специалист по этнографии народов Ближнего Востока. Присутствовавшие на заседании М.В. Воробьев, Ю.В. Маретин, Б.П. Полевой и Е.В. Иванова приняли участие в обсуждении доклада, в котором вновь акцентировалось допущенное «некоторыми авторами» «преувеличение заслуг Л.Я. Штернберга в становлении Арсеньева-этнографа».

² Тарасова Анна Ивановна — научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. В 1985 г. вышла в свет книга А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», в которой сделан подробный обзор этнографических исследований Ар-

ей к В.К. Арсеньеву, деятельным интересом и глубоким уважением к его творчеству. Они заслуживают самого пристального внимания и как ценнейший человеческий документ, и как источник сведений, интересных для биографов обоих исследователей.

В своих комментариях к публикации А.И. Тарасова заметила, что переписка эта не была до того времени введена в научный оборот. И в этом, по ее мнению, «кроется основная причина однобокого освещения в советской литературе характера взаимоотношений ученых: преувеличивается роль Л.Я. Штернберга в становлении В.К. Арсеньева как этнографа» [Там же: 58]. Это утверждение публикатора писем выглядит неубедительным: из последующих ее рассуждений следует, что основание для неправильной оценки роли Штернберга в формировании Арсеньева как этнографа в «советской литературе» заложил сам Арсеньев (а он был, несомненно, внимательным читателем писем Льва Яковлевича).

Перечисляя видных этнографов и антропологов, с которыми вел переписку Владимир Клавдиевич (11 имен, в т.ч. Б. Адлера, С.М. Широкогорова, Б.Э. Петри, С.И. Руденко, Л.Я. Штернберга и др.), А.И. Тарасова замечает: «Из этого перечня имен самым близким и дорогим для него было имя Л.Я. Штернберга, с которым его связывала кроме научных интересов большая личная дружба. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в докладе “Памяти Л.Я. Штернберга”, прочитанном на заседании Владивостокского отдела РГО 19 мая 1928 г., В.К. Арсеньев, отдавая справедливую дань

сеньева на основании его личного архива (по рукописям и экспедиционным дневникам). Автор книги пришла к выводу, что из 60 работ, опубликованных Арсеньевым, почти все в большей (некоторые из них — целиком) или меньшей степени связаны с этнографией. В.К. Арсеньев начал заниматься этнографией удэгейцев в 1906 г. В результате десяти экспедиций в районы Уссурийского края он уточнил картину расселения орочей и удэгейцев (удэхе). Он исследовал родовой состав и местные этнонимы, брачные отношения, записывал легенды об их происхождении, их представления о вселенной, поверья, связанные с рождением детей, со смертью и загробным миром, со священными деревьями, сказки и пр. Собранный им этнографический материал и богатейшие этнографические коллекции высоко оценили ленинградские этнографы Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров, Л.Я. Штернберг. В.К. Арсеньев надеялся издать книгу «Страна Удэхе» под редакцией Льва Яковлевича, но преждевременная смерть Штернберга (1927 г.) и самого Арсеньева (1930 г.) помешали сбыться этой надежде [Иванова 1986].

уважения и благодарности своему учителю и другу, несколько “завысил” оценку его влияния на свои этнографические работы» [Письма... 1979: 59]¹.

Но, на наш взгляд, подобное сомнение в искренности этого проникновенного признания заслуг Штернберга нелестно для исследователя Дальнего Востока (далее следует гипотеза А.И. Тарасовой о причине такового. «В.К. Арсеньев, сильно преувеличивая роль Л. Штернберга как своего учителя, становился как бы под защиту его авторитета, бесспорно признанного в мировой науке, дабы противостоять своим врагам, стремившимся опорочить его этнографические работы» [Там же: 59]. Такое объяснение мне представляется неприемлемым, абсолютно не соответствующим светлому образу В.К. Арсеньева как человека, чуждого фальши и по-настоящему ценившего Л.Я. Штернберга. Да и какая оценка может быть выше признания человека Учителем? Даже если это признание делается гением, ставшим на много голов выше своего наставника, но понимающим, как многим он ему обязан...

Спустя два года после кончины Льва Яковлевича В.К. Арсеньев писал С.Ф. Ольденбургу: «Штернберг был моим учителем и руководителем, и я многим обязан ему своей научной подготовкой» [СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 20. Л. 12–13.].

Арсеньев был скромным и очень благодарным человеком, он называл своими учителями не только многих ученых (и Б. Адлера, и Д.Н. Анучина, и Г.Н. Потанина, и С.И. Руденко), но и проводников по тайге, и охотников, от которых узнавал много ценного о природе и людях Дальнего Востока. А.И. Тарасова признает, что, хотя круг научных связей Арсеньева был широк, особое место в нем принадлежало, несомненно, Льву Яковлевичу Штернбергу — по интенсивности общения, по близости интересов, по уровню научного и человеческого взаимопонимания.

Вернемся, однако, к публикации писем Л.Я. Штернберга А.И. Тарасовой в 1977 г.

¹ В.К. Арсеньев сказал тогда: «Оглядываясь назад, в прошлое, могу сказать, что в своих работах от этапа к этапу, от ерунды к положительным результатам я пришел по указаниям Льва Яковлевича, могу сказать, что своей научной подготовкой я всецело обязан покойному» [Записки... 1966: 104].

Среди публикуемых — под № 12 — то самое письмо Л.Я. Штернберга (от 20 февраля 1917 г.) с замечаниями по поводу работы Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири» и докладов в «Вестнике Азии», которые, будучи приведенными в статье Полевого и Решетова (и воспринятыми ими как пример конструктивной критики), послужили яблоком раздора между авторами и их критиками.

Вот выдержка из этого письма: «На этих вещах лежит печать спешности и вследствие этого некоторой несерьезности». И далее: «Много, много неточного и поспешного в Вашей статье: это все результат провинциальной работы, и это жаль. Между прочим, по этой работе можно думать, что Вам еще многое следовало бы дополнить и у удэхе. А хотелось бы, чтобы эта работа (об удэхе) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать искренний голос весьма расположенного человека. Так что не огорчайтесь, а примите просто к сведению» [Письма... 1979: 69–70].

Судя по реплике относительно этого письма, А.И. Тарасова старается быть объективной (несмотря на высказанную ею и отвергнутую нами гипотезу о лукавстве Арсеньева), когда пишет: «Л.Я. Штернберг был суровым, но справедливым критиком работ В.К. Арсеньева (письмо № 12), что последний особенно ценил в нем. Указывая на отдельные недостатки, Л.Я. Штернберг оценивал этнографические труды и материалы В.К. Арсеньева в целом очень высоко. В личном архиве Л.Я. Штернберга, хранящемся в Архиве АН СССР в Ленинграде, имеются материалы для его статьи «Народы Приамурского края» с подробными выписками из этнографических докладов В.К. Арсеньева, прочитанных и опубликованных в Харбине в 1916 г.» [Там же: 60].

Слова о «провинциальном мышлении», упомянутые в статье Полевого и Решетова, шокировали их оппонентов. Их осуждение коснулось не только авторов статьи, осмелившихся признать их уместными по адресу знаменитого человека, гораздо более известного широкому кругу читателей, чем Л.Я. Штернберг, но и самого В.К. Арсеньева, с благодарностью выслушивавшего требование старшего коллеги («Учителя!») о доведении важной работы до самого высокого научного уровня.

Арсеньев никогда не упивался славой, которую ему принесли писательский талант, щедро отпущенная ему природой неисчерпаемая энергия, с которой он предавался исследованию Уссурийского края, удивительный дар этнографа, глубокое понимание образа жизни и мировоззрения малых народов и гуманное отношение к ним.

Кому, как не самому Арсеньеву, судить о роли Штернберга в его этнографической работе, а он, будучи человеком незаурядного ума, ценил внимание к своей работе этого замечательного ученого.

Библиография

Воробьев М.В. О месте В.К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи) // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 5. 1973. Вып. 6.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

Записки Приморского филиала Географического общества СССР. 1966. Т. 25.

Иванова Е.В. Рец. на: Страны и народы Востока. Вып. XX (Страны и народы бассейна Тихого океана). Кн. 4. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы. 1979 // СЭ. 1981. № 5. С. 188–189.

Иванова Е.В. Рец. на: Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985 // СЭ. 1986. № 6. С. 153–155.

Маретин Ю.В. Жизнь и деятельность В.К. Арсеньева // Страны и народы Востока. Вып. XX. 1979.

Письма Л.Я. Штернберга к В.К. Арсеньеву. Публикация А.И. Тарасовой (Васиной) // Страны и народы Востока Вып. XX. 1979. С. 57–80.

Полевой Б.П., Решетов А.М. В.К. Арсеньев как этнограф // СЭ. 1972. № 6. С. 74–87.

Федин С.И. Основные проблемы изучения жизни и трудов В.К. Арсеньева (по материалам из архива Ф.Ф. Арсеньева и опубликованным данным) // Страны и народы Востока. Вып. XX. 1979.

Источники

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. № 20. Л. 12–13.